

ПРОБЛЕМЫ МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ, ПРЕДОПРЕДЕЛЯЕМЫХ ОСОБЕННОСТЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КОРРУПЦИОНЕРА

© Нескородов Б. Н., 2016,

канд. юрид. наук,

доцент кафедры административно-правовых дисциплин,

Владимирский филиал РАНХиГС

Email: Neskorodov@mail.ru

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью осмысления причин и условий коррупционного поведения отдельных государственных должностных лиц и представителей бизнеса, для формирования эффективной системы антикоррупционного государственного управления и реального противодействия коррупции. Цель статьи — проанализировать и логически обосновать особенности личности коррупционера, таких поддающихся измерению и оценке качеств его личности, которые бы отличали его от граждан, действительно нетерпимых к коррупции и готовых честно и добросовестно исполнять государственные и иные публично значимые функции. По мнению автора, это позволит сформировать определенные правовые механизмы по минимизации коррупционных рисков посредством более эффективной кадровой политики, направленной на недопущение на государственные должности профессионально непригодных лиц, свойства личности которых несут в себе высокие риски коррупционного поведения. С учетом анализа субъективной стороны коррупционного поведения автором делается вывод, что для личности коррупционера всегда характерна в той или иной степени деформация морального сознания, предопределяющая доминирование эгоцентрической направленности личности. Поскольку у сформировавшейся личности ценностные ориентации являются весьма устойчивыми, это, по мнению автора, позволяет при их знании с достаточно высокой степенью вероятности прогнозировать поведение индивида в той или иной ситуации, затрагивающей его личные или общественные интересы. Для минимизации рисков коррупции кадровая политика должна учитывать особенности системы ценностей кандидатов на государственные должности, выражающихся в их нравственно-этических качествах, рассматривая в качестве профессионально непригодных тех из них, у которых доминирует эгоцентрическая направленность личности.

Ключевые слова: коррупция, нетерпимое отношение к коррупции, антикоррупционное управление, система антикоррупционных мер, коррупционные риски, эгоцентрическая направленность личности, коррупционное поведение, причины коррупции, антикоррупционная кадровая политика.

Abstract: relevance of articles due to the importance of understanding the causes and conditions of corruption behavior of certain public officials and business representatives, for an effective anti-corruption system of public administration and real counteracting corruption. Purpose of the article - to review and rationalize the corrupt personality traits such measurable and evaluate the quality of his personality that would distinguish it from the citizens really intolerant to corruption and ready to honestly and conscientiously fulfill the state and other important public functions. Author believes, it will create some legal mechanisms to minimize the risk of corruption through more effective human resource policies aimed at avoiding for public office professionally unfit persons properties of a person that have a high risk of corrupt behavior. An analysis of the subjective side of corrupt

behavior, the author concludes that a corrupt person is always characterized, in varying degrees, the deformation of moral consciousness predetermines the dominance of egocentric orientation of the individual. Since the individual value orientations formed are very stable, it is, in my opinion, allows for their knowledge with a high degree of probability to predict the behavior of an individual in a particular situation affecting his personal or public interests. To minimize the risks of corruption personnel policy must take into account the peculiarities of the system of values of candidates for public office, expressed in their moral and ethical qualities, considering as professionally unsuitable those who dominates egocentric orientation of the person.

Keywords: corruption, intolerance of corruption, anti-corruption management system of anti-corruption measures, the risks of corruption, egocentric orientation of the personality, corrupt behavior, the causes of corruption, anti-corruption personnel policy.

В настоящее время абсолютное большинство опрошенных автором государственных гражданских служащих и представителей бизнеса о возможной организации антикоррупционного управления в системе институтов публичной власти не могут удержаться от горькой иронии по поводу самой идеи такого управления. Если учесть, что последние десятилетия «постоянного усиления борьбы с коррупцией» данное явление только масштабировалось, а в настоящее время оно оценивается уже как одна из угроз национальной безопасности, то данная реакция участников экспертных опросов становится понятной [1].

Известно, что для выправления любого негативного социального явления предполагается глубокое и точное понимание его природы, его истинных причин возникновения, определения взаимосвязи составляющих данное явление элементов, особенностей их взаимодействия, что, в конечном итоге, создает предпосылки для выделения тех главных звеньев или контрольных точек этого явления, воздействие на которые значимым для них способом делает его управляемым и позволяет субъекту управления привести его в желаемое состояние, то есть получить необходимый результат.

Касаясь коррупционных проявлений в системе публичной власти и отношений власти и бизнеса, приходится признать, что живучесть их определяется в конечном итоге тем и в той мере, в какой существующее положение вещей удовлетворяет лиц, вовлеченных в коррупцию. Это предопределяется тем, что с одной стороны отдельные представители бизнеса могут, используя коррупционные связи, гарантированно получить для себя определенные привилегии, конкурентные преимущества и иные преференции, а с другой стороны носители властных полномочий получают за предоставление таковых дополнительные доходы и иные блага.

Данное положение вещей, естественно, не удовлетворяет лиц, которые в результате существования коррупционных отношений в системе «власть – бизнес», чувствуют себя «обойденными», обманутыми или пострадавшими. Безусловно, последних достаточно много, но они, как правило, не обладают теми личными качествами или служебными полномочиями, которые делали бы их «востребованными» со стороны коррупционеров. Возможно, поэтому такие граждане в меньшей степени подвергаются разлагающим их сознание коррупционным предложениям и искушениям. Коррупция - это сфера деликатных, тщательно скрываемых отношений, поэтому «непосвященных», не вовлеченных в коррупционные схемы никто не информирует о них, а если кого-то привлекают или используют в таких схемах, то исключительно «в темную», маскируя те или иные поручения под вполне допустимые и не связанные с коррупцией интересы. По мнению автора, именно

поэтому явных противоречий или конфликтов между первыми и вторыми в повседневной жизни практически не возникает. Призывы руководства страны о необходимости усилить борьбу с коррупцией уже давно воспринимаются многими гражданами как «дань времени», а государственными служащими - как необходимость составления очередного антикоррупционного плана, что ни в коей мере реально не влияет на поведение тех, кого коррупция как явление вполне устраивает и удовлетворяет.

Данная логика позволяет сформулировать следующие умозаключения:

1. Если в течение многих лет принимаемые в системе государственного и муниципального управления меры не разрешили проблем коррупции, значит либо неверно определены причины коррупции, либо не применяются адекватные методы противодействия коррупции, либо отсутствуют реальные и действенные правовые механизмы, предназначенные для борьбы с коррупцией. Все эти составляющие, безусловно, тесно взаимосвязаны и взаимно определяют друг друга. Но определяющим в данном случае представляется глубокое осмысление причин коррупционного поведения должностного лица. Что, например, является главным при этом: его субъективный фактор, личные качества и особенности его ценностных ориентаций или внешние обстоятельства, условия, в которых он исполняет свои служебные обязанности, которые благоприятствуют коррупционному поведению.

2. Сложившийся системный характер коррупционных явлений, их масштаб и живучесть определяются, в первую очередь, осознанным принятием данных отношений их участниками, их мировоззрением, их субъективной системой ценностей. Следовательно, они всегда будут заинтересованы в сохранении своих коррупционных возможностей, поскольку это соответствует их интересам.

3. Допускать мысль, что в системе отношений публичной власти можно создать особые правовые механизмы, которые бы сделали для такой категории лиц невозможным их коррупционное поведение, - это значит проявлять наивность и впадать в утопию. Как правило, именно эти лица являются носителями достаточных властных полномочий, чтобы определять характер работы правовых механизмов, либо выводить себя вон из их действия, либо дезавуировать их.

4. Известно, что коррупционные правонарушения не могут совершаться по неосторожности. Это всегда осознанно принимаемые тем или иным лицом решения и его последующие действия, которые базируются на присущей ему специфической системе ценностей, делающих коррупционное поведение приемлемым для него. При этом он наверняка понимает, что совершает предательство публичных интересов, не исполняет должным образом свой служебный долг, проявляет нечестность, причиняет вред государству и обществу ради удовлетворения своей корысти и жадности наживы. Но понимая и принимая коррупционный характер своих действий, он считает это допустимым для себя.

Таким образом, предпосылкой для совершения лицом коррупционных действий является деформированное моральное сознание личности коррупционера, внутреннее отрицание им таких понятий как «порядочность», «долг», «ответственность», «честность», «совесть», «честь и достоинство».

Отсюда следует вывод, что действительно реальной защитой от коррупции во власти может служить только внутреннее неприятие коррупционного поведения конкретными участниками публичных отношений, их способность не поддаваться искушению получения личной выгоды за счет предательства государственных интересов и злоупотребления властью.

При этом следует отметить, что из всех характеризующих личность свойств таких, как «социальная направленность», «образование», «опыт», «когнитивные качества», «воля», «состояние физического и психического здоровья», только социальная направленность личности, включающая в себя систему морально-нравственных ценностей, отличает коррупционера от иных лиц, считающих коррупцию неприемлемой для себя. При этом следует особо отметить, что игнорирование такого показателя свойства личности, как «социальная направленность» создает парадоксальную ситуацию, при которой лицо с деформированной системой морально-нравственных ценностей, но обладающее хорошим образованием, большим опытом, выраженными когнитивными и волевыми качествами, хорошим физическим и психическим здоровьем, занимая государственную должность с широкими коррупционными возможностями будет представлять гораздо большую опасность в коррупционном плане, чем менее образованные, менее опытные, менее способные к самообучению и менее волевые личности. Это предопределяется тем, что лица с выраженной эгоцентрической направленностью личности и имеющие деформированное морально-нравственное сознание, для которых предательство публичных интересов и обман - это норма, а стремление к личному обогащению превалирует над государственными интересами, все свое прекрасное образование, большой профессиональный опыт, сильную волю могут гораздо эффективнее использовать в интересах личного обогащения, чем те, кто менее подготовлен и не обладает таким, как они, опытом и знаниями. Следовательно, следует признать, что лица с выраженными эгоцентрическими свойствами личности, с деформированной системой морально-нравственных ценностей являются носителями повышенных коррупционных рисков, то есть коррупционно неблагонадежными.

Данное обстоятельство показывает, насколько сложная задача системной организации борьбы с коррупцией, как важно менять не только внешнюю правовую организацию реализации государственных функций, направленных на минимизацию условий для коррупционного поведения, но не менее важны изменения и в кадровой политике. Необходимо в дополнение ко всем правовым, организационным и иным мерам по минимизации коррупции в максимальной степени использовать возможности кадрового отбора на государственную службу, в том числе и на замещение государственных должностей, включенных в специальные перечни, ориентируясь только на тех кандидатов на замещение государственных должностей, которые обладают высокими морально-нравственными качествами и имеют социальную доминанту направленности личности.

Представляется, что следует нормативно закрепить в качестве основного требования к профессиональной пригодности кандидата на государственную службу или на замещение государственной должности наличие у него высоких морально-нравственных качеств, предопределяемых его социальной доминантой направленности личности. Все остальные квалификационные требования должны применяться как вторичные и уже только к тем, кто прошел первичный отбор по требованию антикоррупционной благонадежности.

Следует учитывать, что у сформировавшейся личности данные ценностные ориентации и доминанты являются весьма устойчивыми, и это позволяет при их знании с достаточно большой точностью прогнозировать поведение индивида в той или иной ситуации, затрагивающей его личные или общественные интересы.

Поэтому должно быть просто установлено требование: в характеристике претендентов на государственные и муниципальные должности обязательно описывать такой показатель свойства личности кандидата, как его «социальная

направленность». Поведение любого человека в сложной обстановке, выбор им того или иного решения в ситуации конфликта интересов всегда определяется его «социальной направленностью», которая отражает доминанту его ценностных ориентаций, направленных либо «на себя любимого», на свои личные интересы – «эгоцентрическая доминанта направленности личности» или направленных «на коллектив», на достижение общего блага, на публичный интерес – «социальная доминанта направленности личности».

Следовательно, для достижения такого подхода в кадровой политике ее следует несколько перестроить. Цель – формирование в системе публичной власти, в служебных коллективах таких управленческих отношений и механизмов их реализации, чтобы в них формировался и был нормой культ честности, высокой нравственной и правовой культуры, стремление действовать только в публичном интересе и служить общественному благу.

Но возникает вопрос, возможно ли это? Представляется, что да, если систематически осуществлять эффективную идейно-воспитательную работу, формировать в обществе, а особенно в органах государственной и муниципальной власти, систему высоких нравственных ценностей. При отборе кадров на государственную или муниципальную службу, а также при организации процедур замещения выборных должностей в системе публичной власти необходимо устанавливать такие требования к кандидатам, которые бы исключали проникновение во власть людей с низкими нравственными качествами, с деформированным моральным сознанием.

Как известно, о человеке можно и должно судить не потому, что он сам о себе говорит, а только по его делам, по его поступкам. Возможно, в перечень требований для кандидатов на замещение государственных должностей следует включить необходимость наличия у них положительного опыта исполнения обязанностей на предыдущих должностях или видах деятельности, которые позволяют увидеть их реальные личные качества, касающиеся морально-нравственных аспектов их личности, их ориентированную на государственные интересы социальную направленность. Это, безусловно, сузит число претендентов на замещение государственных должностей, но это снизит и риски попадания на государственные должности лиц, склонных к коррупционному поведению.

Кроме того, формируя структуру органов власти и выстраивая систему управленческих отношений, конечно, следует учитывать, что вопросы, которые потенциально несут в себе «конфликт интересов», но имеют при этом серьезное публичное значение, нельзя отдавать «на откуп», на «усмотрение исполнителя», какой бы положительной репутацией он не обладал. Следует учитывать, что по своей природе люди в определенных условиях могут проявлять слабость, поддаваться искушениям, идти на компромисс с совестью. Для таких случаев должны быть нормативно предписанные процедуры принятия решений, включающие в себя нескольких относительно независимых участников, обеспечивающих взаимный контроль и персональную ответственность за последствия принятого решения.

Кроме того, следует учитывать, что для лиц, занимающих государственные должности, роль «внутренних регуляторов» поведения, определяемых их социальной направленностью, отражающей индивидуальную духовно-нравственную систему ценностей каждого, повышается по мере роста их должностного статуса, а роль внешних, правовых регуляторов, соответственно, снижается.

Следовательно, риск коррупционных проявлений среди должностных лиц высокого ранга при их преимущественно «эгоцентрической доминанте

направленности личности», возрастает кратно, поскольку, как показывает практика, воздействие правовых ограничений по мере роста их должностного и социального статуса ослабевает. Это предопределяется тем, что такие лица, как правило, сами осуществляют правоприменение, это они определяют эффективность действия тех или иных правовых механизмов в системе управления, это от их воли во многом зависит содержание материальных норм права. Их статус таков, что главными регуляторами их поведения становятся их совесть, понятие общественного долга, представление о справедливости, их отношение к другим людям, к своему отечеству, национальной культуре и т.д. Безусловно, предписать нормами права быть кому бы то ни было честным, ответственным, порядочным, самоотверженным просто невозможно. В вопросах предписания нравственности право бессильно.

Наряду с другими свойствами личности (интеллект или фактический уровень образования и опыта; когнитивные качества; волевые качества; состояние физического и психического здоровья) «социальная направленность личности», особенно для лиц, облеченных большими властными полномочиями, является наиважнейшей, поскольку именно она определяет их публично-правовую и социальную ценность.

Определить характер и особенности «социальной направленности личности» можно только путем анализа поведения человека, тем, как он проявляет себя в конкретных ситуациях, в поступках, в обычной жизни, а именно [2]:

- в его **отношении к себе** (это может проявляться в таких деталях, как предпочтения в одежде, во внешности, в отношении к своему здоровью, к условиям быта, в манере и характере питания, к своей безопасности и пр. У лиц с выраженной эгоцентрической доминантой личности это приобретает формы явного отклонения от нормы, «нарциссизма»);

- в его **отношении к другим людям** (пренебрежительное или уважительное, в оценке других через призму «средства достижения своих целей» или восприятия их как личностей, также требующих уважения их достоинства, и пр.);

- в его **отношении к труду или службе** (доминирует только личная выгода или заинтересованность в общем деле, в общественно полезном результате);

- в его **отношении к материальным условиям бытия** (видит только в них смысл жизни или материальные блага - это всего лишь средство для всестороннего развития личности, себя и своих близких);

- в его **отношении к социальным условиям бытия** (главное в жизни - добиться высокого общественного положения, сделать карьеру любой ценой, достичь вершин власти, славы, стать известным или все это для него неважно, мало интересует, а главным является то дело, которому он служит, тот общественно полезный результат, который достигается благодаря и его усилиям).

Таким образом, зная и учитывая эгоцентрическую или социальную доминанту направленности личности конкретного лица, можно достаточно точно определить и понять мотивы его поведения, на чем было или будет основано принятие им того или иного решения, в чью пользу оно с большой долей вероятности будет принято. Именно социальная направленность личности должностного лица в конечном итоге определит, будет ли он «торговать влиянием», злоупотребляя своим служебным положением, или будет проявлять непримиримость к любым коррупционным формам поведения и всегда будет действовать в публичном интересе, в интересах общественного блага.

Безусловно, для начала свойства личности тех, кто определяет кадровую политику, кто осуществляет непосредственно противодействие коррупционным проявлениям во власти, должны характеризоваться «социальной доминантой направленности личности». Добиться такого положения достаточно сложно. Для этого

потребуется полностью пересмотреть систему отбора и подготовки сотрудников данной категории. Любые проявления нечестности, коррупционной неблагонадежности как на службе, так и в быту должны быть предметом тщательнейшего изучения, поскольку речь идет об их профессиональной пригодности или непригодности. При этом лица, имеющие преимущественно «эгоцентрическую доминанту направленности» личности, должны признаваться профессионально непригодными к государственной и муниципальной службе, к замещению государственных должностей или выборных должностей в системе муниципальной власти [3].

Следует отметить, что в настоящее время в арсенале кадровых подразделений вообще отсутствуют какие-либо методики, которые бы ставили своей целью определение реальных морально-нравственных качеств кандидатов на государственную службу и особенностей их социальной направленности.

Как представляется автору, изменение кадровой политики в вопросах отбора кандидатов на государственную службу и на замещение должностей государственной службы, с учетом критерия «социальной направленности личности», который в максимальной степени отражает морально-нравственные качества человека и его антикоррупционную благонадежность, в совокупности с общей системой мер по противодействию коррупции, может существенно снизить коррупционные риски среди должностных лиц, занимающих должности государственной и муниципальной службы, а также повысить доверие граждан к публичной власти. Последнее, в свою очередь, создаст дополнительные благоприятные условия для более эффективного социального сотрудничества институтов гражданского общества с институтами публичной власти, особенно в вопросах противодействия коррупции, поскольку для этого будут иметься реальные идеологические, правовые и организационные предпосылки.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 12.05.2009 года № 537 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2009. - № 20, ст. 2444.
2. Нескородов Б. Н. Структурно-функциональная оценка управленческой деятельности руководителей муниципальных органов власти при организации управления, ориентированного на результат: монография. - Владимир: Изд-во Владимирского филиала РАНХиГС, 2012. – 168 с.
3. Оценка управленческой деятельности руководителей органов и оперативных подразделений ФСБ России в войсках: дис. ... канд. юрид. наук / Б. Н. Нескородов. - М., 1997. - Деп. в Академии ФСБ России. № 31149-Н. - 122 с.